

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

На правах рукописи

И. А. АТАДЖАНЯН

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКО-
АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

640—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЛЕНИНГРАД

1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

На правах рукописи

И. А. АТАДЖАНЯН

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКО-
АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

640—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

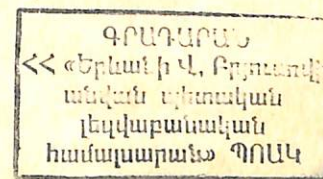
А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель-заслужен-
ный деятель науки,
доцент ЯСИНСКАЯ З. И.

ЛЕНИНГРАД

1969

Работа выполнена при Ереванском государственном педагогическом институте русского и иностранных языков им. В. Я. Брюсова.

Официальные оппоненты:

1. Зав. сектором древнерусской литературы АН СССР, член-корреспондент АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ.

2. Доктор филологических наук К. Н. ГРИГОРЬЯН.

Защита состоится в институте литературы АН СССР (Пушкинский дом) 12 июня 1969 года.

Просим прислать отзывы по адресу:

Ленинград, В-164, Набережная Макарова, 4,

Пушкинский дом.

Автореферат разослан 12 мая 1969 года.

Великая дружба народов Советского Союза имеет глубокие исторические корни. Она зарождалась и развивалась в многовековой борьбе за освобождение от социального и национального гнета. Советские ученые давно уже начали глубоко и всесторонне изучать историко-культурные связи между народами нашей страны.

В этой связи история русско-армянских культурных и литературных отношений представляет особый интерес. Особенно мало изучен древнейший период русско-армянских взаимоотношений. Исследованию взаимосвязей X—XIII вв. и посвящается данная работа.

Круг источников истории русско-армянских взаимоотношений в X—XIII вв. сравнительно невелик. Упоминание русских в армянских источниках встречается лишь с X века (История Тарона VII—VIII веков Овнана Мамиконяна, История Моисея Дасхуранского—X век, Моисея Каланкатуйского /Каганкатвацц/—X век, Стефана Таронского /Асохика/—XI век).

Сведения об Армении стали проникать в русскую историографию примерно с XI века. В русских летописях нередко встречаются упоминания об Армении и армянах, о назначении епископов, о несогласии армян с решением четвертого Халкедонского собора, об армянских еретиках.

В Повести временных лет, рассказывая «откуда есть пошла русская земля», летописцы упоминают «Армению Великую и Малую» в перечислении стран, оказавшихся населенными «Афетовыми племенами». В русских летописях часто встречается упоминание гор Араратских, как конкретного географического понятия и крайнего предела христианского мира.

С XVIII века, когда организуются архивы, сохранившие до наших дней важные документы, материалы, сведения об Армении в русских источниках носят уже систематический характер.

В истории армянского народа особое место занимают армянские поселения, разбросанные по различным странам света. Мало народов мира проявило в условиях массового переселения такое умение проникать в жизнь далеких стран, вести там широкую экономическую и культурную деятельность и при этом, что самое главное, сохранять и развивать свою оригинальную культуру.

Вопрос истории армянских поселений интересовал ученых уже в XVII веке, но в основном при этом раскрывалась история армяно-русских отношений, начиная с XV века, особенно XVII—XVIII вв., так как архивных материалов по этому периоду значительно больше.

Источники об армянских колониях на Руси до XVII века очень скудны и неполны. Но даже имея в распоряжении отрывочные сведения, нетрудно установить, что армяно-русские отношения возникли еще в далеком прошлом на началах взаимной дружбы и понимания.

Настоящая работа помимо введения содержит три главы, а также заключение и приложение.

Первая глава — «Русско-армянские экономические, торговые, военные и культурные связи X—XIII вв.» — раскрывает историю зарождения и развития взаимосвязей Армении с Киевской Русью, Владимиро-Суздальским и Новгородским княжествами.

Начиная с IV века Византия всячески стремилась вовлечь Армению в орбиту своего влияния и подчинения. Уже с IV века армяне целыми селениями покидали родную землю и переселялись в Византию. Особенно крупные переселения армян происходили во времена покорения Анийского царства византийцами (середина XI века), разорения Армении монгольскими ордami (середина XIII века).

Армяне переселялись не только в Византию, но и в другие страны. Армянский народ стремился найти могущественного защитника и покровителя, устремляя свои взоры на Север — на Русь, с которой на поле брани никогда не скрещивали оружия.

Данные истории свидетельствуют, что армяно-русские отношения первоначально носили эпизодический характер. В частности, первоначальное общение армян с русскими происходило не на родине армян или русских, а на территории сопредельных с ними государств, одним из которых была Византийская империя.

С X века взаимоотношения армян с русскими носят более интенсивный характер. Этому способствовала благоприятно сложившаяся политическая обстановка: на рубеже IX—X вв. произошло возрождение Анийского государства, которое принимало активное участие в международной торговле. Участие в торговле способствовало развитию культурной связи армян с арабским халифатом, Византийской империей и странами передней Азии, с приволжскими областями и Киевской Русью.

К концу XIII века Русь стала «заветной страной», куда устремились многие из армян. Эмиграция особенно усиливается в XIII—XIV вв.

Связь, налаженная торговыми караванными путями между Арменией и русскими городами, способствовала проникновению в различные города России армянских специалистов-ремесленников, врачей, художников, что приводило к культурному взаимовлиянию.

Вторая глава диссертации — «Русско-армянские литературные отношения X—XIII веков».

Еще в период раннего средневековья русские и армянские летописцы создают тождественные легенды о возникновении городов. Так, армянский историк Зеноб Глак (VII—VIII вв.) в своей «Истории Таронской области» и Нестор-летописец в «Повести временных лет» (начало XII века) излагают типологически сходные сказания об основании городов Куара и Киева. Впервые на сходство этих легенд обратил внимание академик Н. Я. Марр в своей работе «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси».¹

В этих легендах поражает не только совпадение отдельных деталей и имен героев, их деяний, но и описание природы. В русском тексте читаем: «...на горе бяше около града (Киева) лесъ и боръ великъ, и бяху ловяще зверь», а в армянском изложении говорится, что «на горе Qarqe нашли прекрасное место с благорастворением воздуха, так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев».

Н. Я. Марр сопоставляет имена трех братьев и их сестры Лыбедь и названия племен и приходит к выводу, что и русская и армянская легенды — «результат скифской устной народной редакции», т. е. в обеих книжных легендах имеем «скифское племенное предание». Но в киевской легенде, так же, как и в армянской легенде говорится о племени полян (в армянском тексте — палуник «*պալունիկ*») — о славянском племени, а не скифском.

Н. Я. Марр находил общие с древнерусской легендой мотивы в описании действий трех братьев. На наш взгляд, сходным можно считать весь эпизод, за исключением некоторых наслоений. В этом убеждает, например, совпадение имен, сходство в описании выбора места для построения го-

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, том. V.

рода и в целом сюжетный фон, который наблюдаем в обоих произведениях. Наблюдения Н. Я. Марра в последнее время подтверждают Л. М. Меликсет-Бек¹ и Б. А. Рыбаков.²

Возникающие в связи с исторической оценкой киевской легенды вопросы о времени ее возникновения, о деятельности Князя, о построении городища на Старокиевской горе освещает Б. А. Рыбаков, который предполагает, что действие легенды происходило до VII века. По данным Манука Абегиана, «История Тарона» Зеноба Глака написана не ранее VIII века, однако сказание в ней помещено до событий, приуроченных к эпохе императора Маврикия (582—602 гг.). Следует думать, что и та и другая легенда относятся примерно к одному времени — VI—VII веку.

Как замечает Д. С. Лихачев в своих комментариях к «Повести временных лет», в рассказе об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом — лежит народное предание, записанное летописцем. Аналогичную характеристику дает армянской легенде Манук Абегиан, который считает, что книга Зеноба Глака «является сборником народных сказаний». Итак, мы видим, что и русское и армянское сказания возникли на почве народного толкования реально существующих топографических названий.

Особо отметим, что происхождение славянской легенды в армянский источник VIII века указывает на существование армяно-славянских связей еще до образования Киевского государства. Можно предположить, что эта легенда могла проникнуть в Армению в VIII веке, когда, согласно сообщению арабского историка IX века Баладури, около 20000 славян было переселено арабским халифом в Кахетию, некоторые из этих славян могли поселиться и в Армении.

¹ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и армяне. Изв. АН Арм. ССР, т. 1, Ереван, 1946.

² Б. А. Рыбаков. Начало русского государства (представления летописцев о Руси). Вестник МГУ, № 4-5, 1955.

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе встречаются в памятнике XII—XIII вв. под заглавием «Воскепорик» (Златочрев). Некоторые из средневековых поэтов в своих произведениях с большой любовью вспоминают «*пнццц*» (рузов) (поэт XII века Нерсес Шнорали, иерарх Киликийской Армении второй половины XII века, армянский поэт XIII века Фрик).

В древнерусских памятниках XV—XVI вв.—Хронографе I-ой редакции и в Макарьевских Великих Четях Минеях мы встречаем сведения, относящиеся к Армении. Так, в русском Хронографе имеется повествование «Крещение Армении», совпадающее в основных чертах с рассказом армянского историка Агафангела. В Великих Четях Минеях под 30 сентября мы находим славяно-русскую версию «Жития и страдания священномученика Григория, епископа Армении Великия и с ним тридесати и седми девиц», но ввиду отсутствия промежуточных звеньев мы не можем в настоящее время установить, о литературных связях какого периода свидетельствуют эти источники.

Для изучения русско-армянских литературных взаимоотношений XII—XIII веков особое значение имеет «Сказание о святых Борисе и Глебе», которое в это время было переведено на армянский язык.

С армянским Сказанием о Борисе и Глебе мы встречаемся в армянских Четы—Минеях—Айсмавурке, где Сказание это фигурирует как «Патмутюн србоц Давти ев Романо си» (Борис носил христианское имя Роман, а Глеб—Давид).

Четы-Миней по-армянски называются «Айсм-авур»—«в сей день». Жития святых в армянских Минеях, как и в других, расположены по порядку дней месяца и озаглавлены «Жития», либо «Сказания о мученической кончине», либо «память такого-то святого». Такое сказание не имеет заглавия, оно начинается просто словами «айсм авур»—«в сей день».

Впервые о существовании в армянских Четы-Минеях Сказания о русских святых сообщил Н. О. Эмин в 1877 году в своей статье «Сказание о святых Романа и Давиде по армянским Четы-Минеям». Н. О. Эмин ставит здесь два вопроса: откуда вошло русское Сказание в армянские Миней и что могло послужить источником армянскому Сказанию. Ответ на первый вопрос Н. О. Эмин находит в концовке армянского Сказания: «...много других совершенно чудес этими святыми, и они записаны в **пространной их истории**; чудеса совершаются ими и поныне. Многие из нашей страны, видевшие эти чудеса, рассказали нам».

По предположению Н. О. Эмина, один из армян, живший в Киеве, перевел это Сказание на армянский язык, а потом познакомил свое духовенство с ним. Таким образом оно попало в армянские Миней.

Источником армянского Сказания Н. О. Эмин считает Анонимное Сказание, но при этом ставит вопрос, на который сам не дает ответа: о какой **пространной** истории говорит переводчик армянского Сказания?

Долгое время в науке это мнение Н. О. Эмина было единственным. И лишь в 1909 году к этому вопросу вновь обратился В. Н. Бенешевич в своей статье «Армянский пролог о св. Борисе и Глебе». Подвергнув критике взгляды Н. О. Эмина, В. Н. Бенешевич рассматривает два вопроса: о пути, по которому Сказание попало в армянские Миней, и об его источнике. В результате, он приходит к следующему выводу: Анонимное Сказание, как и Чтение, не может считаться тем подлинником, из которого непосредственно черпал материал редактор армянского Сказания. По мнению В. Н. Бенешевича, оригинал последнего был переработан в тексте, когда упоминается **пространная** история святых.

Говоря о путях проникновения Сказания в армянские Миней, В. Н. Бенешевич утверждает, что армянское Сказание переведено с греческого промежуточного текста, а не с русского оригинала.

Итак, в науке были поставлены вопросы об источнике и путях проникновения русского Сказания о Борисе и Глебе в армянские Четьи-Миней, но эти вопросы не получили окончательного своего разрешения.

В третьей главе диссертации («Сказание о Борисе и Глебе»—армянская редакция») на материале русских и армянских рукописей рассматривается литературная история текста армянской редакции изучаемого Сказания.

Наши наблюдения над рукописными текстами Сказания позволяют считать, что армянский текст возник не позднее 1249 года, когда составлялась сводная редакция житий святых-Айсмавурк, редактором которой был Тер Израэль. При этом проникла она в Киликийскую Армению, на что указывает вставка «ի բարի իշխանն և ի բարձր լիարեանն»—«и доброго князя и милого барона».

Эта вставка характерна для всех рукописей Айсмавурка-армянских Четьи-Миней. Слово «барон» впервые появилось именно в Киликии с приходом крестоносцев. В данном тексте оно употреблено в значении «господин», «князь».

Для исследования источника армянского перевода Сказания о Борисе и Глебе большое значение имеет следующая фраза армянского Сказания: «Много других совершенно чудес этими святыми, и они записаны в **пространной (совершенной)** их истории». Вероятно, переводчик имел перед собой пространное русское Сказание, где было описано много чудес, по крайней мере, их количество должно быть большим, чем в тексте армянского Сказания. «Мы здесь рассказали и изложили немного из многого»—«Յորոգի բարձրացն զիսկա զրեցար»—отмечает далее автор.

Предпринятое нами изучение литературной истории текста¹ привело к выводу, что источником армянского Сказания является древнерусский текст, подобный тому, который до-

шел до нас в Сборнике Московского Успенского собора, являющийся древнейшим списком Сказания.² Этот список XII века не был использован Н. О. Эминым и В. Н. Бенешевичем.

Текст Сказания можно разделить на три части: вступительная; рассказ об умерщвлении Бориса и Глеба; и в заключении—похвала Борису и Глебу.

Первая, вступительная часть Сказания передана переводчиком очень кратко, автор говорит лишь о принятии христианства Русью и о том, что у Владимира было 12 сыновей.

Вторая часть также пересказана переводчиком армянского текста, который акцентирует свое внимание на факте междоусобицы и братоубийства. В этой части переводчик старается подчеркнуть «святость» и «благонравность» «единоматерных братьев Бориса и Глеба», противопоставляя им «окаянного» и «злого» Святополка.

Третья часть Сказания также вкратце пересказана переводчиком, которому, по-видимому, принадлежит фраза о многих чудесах, описанных в пространной истории; им же сочинена и концовка армянского текста, свидетельствующая о всеобщем признании первых русских святых Бориса и Глеба.

Из всего сказанного выше следует, что переводчик армянского Сказания не придерживался строго текста русского Сказания, а пересказывал его содержание. Однако в повести о чудесах, совершаемых от мощей Бориса и Глеба, он более зависит от текста русского оригинала, хотя и несколько сокращает его. Армянским переводчиком переданы не все чудеса, описанные в русском источнике (чудо о жене сухо-рукой и чудо о слепом и немом не переведены), но сохранена их последовательность.

¹ В настоящей работе были привлечены рукописные тексты русского Сказания о Борисе и Глебе из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² См. Сборник XII века Московского Успенского собора. Выпуск первый. Издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова в 1899 году по рукописи № 175/18 Московской Синодальной библиотеки.

Необходимо отметить, что в русском тексте о чудесах святые названы их христианскими именами—Роман и Даниил, то есть так же как и герон армянского Сказания.

Итак, проведенные нами текстологические сопоставления армянского и русского текстов Сказания приводят нас к заключению, что армянский перевод сделан с русского текста Сказания пространной редакции. Об этом свидетельствует характер перевода чудес в армянском тексте; характер обработки исторической части изложения; выбор из текста тех мест, которые близко стояли к армянской действительности.

Считая, что зависимость армянского текста от русского текста Сказания, в основном, доказана, позволим себе обратиться к некоторым дополнительным аргументам.

В противовес мнению В. Н. Бенешевича, усмотревшего гречизмы в именах армянского текста, мы полагаем, что далеко не все имена армянского Сказания даны в греческой транскрипции.

Сравнивая имена в рукописных и печатных текстах Айсмавурков, мы приходим к выводу, что в армянском Сказании имеются как имена в греческой, так и в армянской транскрипции (сравнения приведены в таблице, прилагаемой к диссертации).

Так например, имена, которые не были знакомы армянскому переводчику, переданы в греческой транскрипции, наиболее знакомой и близкой ему: имя Ярослав передано как «*яри*» и «*яриши*» (рус и тхавос /тлавус/). «*яри*» от слова «русский», «*яриш*» — «*яришаря*»—мужчина; таким образом, переводчик как бы хотел подчеркнуть принадлежность имени русским. Приведем еще два примера. Имя «Владимир Мономах» переводчик понял как имена двух сыновей Ярослава-Владимира и Мономаха. В русском тексте читаем: «Володимиръ же иже и Мономахъ» (Владимир, он же и Мономах), в армянском тексте: «Сыновья Руславуса Балатимай

и Мономах». «Же иже и» армянский переводчик перевел как союз «и».

Следует обратить внимание на передачу имени Мономах. В некоторых текстах мы встречаемся с формой «*Մոնոմաչ*» (Мономач?). Чередование х-с как и г-з—характерное для армянского языка явление. Как, например: в одной из редакций «Ахикара» (армянской редакции) мы встречаемся с подобным чередованием Ампутил-Ампужил. Наличие же в некоторых текстах формы «*Մոնոմախ*» (х, а не «с»), свидетельствует о знакомстве переводчика с русской редакцией.

Имя «Миронег» передано как «*Միրոնիէ*» (Мироние) или как «*Մերոնիէ*» (Мероние). Корень данного имени был знаком армянскому переводчику, так как схож с корнем слова «мерон»—«*Մերոն*», поэтому переводчик сохранил форму этого имени.

Следует отметить, что в передаче этих имен замечается следующая особенность: в разных рукописях они передаются по-разному, более того, на одной и той же странице той же рукописи можно встретить различное написание одного и того же имени: «*Փրամիրոս*» (Прамнос) и «*Փրամիրաս*» (Прамнирас)—рук. 1506; «*Փրամիր*» (Прамис) и «*Փրամիրոս*» (Прамнирос)—рук. 1508 и др.

Те имена, которые знакомы были армянскому переводчику еще до ознакомления с русским Сказанием по Библии или имена общезвестных святых отцов, переданы в армянской или общецерковной транскрипции:

Василий	—	<i>Բարսեղ</i>	(Барсех)
Иоанн	—	<i>Յովանես</i>	(Иованес)
Алексей	—	<i>Ալեքսի</i>	(Алекси)
Николай	—	<i>Նիկողայոս</i>	(Никогаес)
Кайн	—	<i>Կայեն</i>	(Кайен)
Авель	—	<i>Աբել</i>	(Абел)

Необходимо отметить, что эти имена во всех списках даны одинаково, без всяких отклонений, колебаний.

Все это свидетельствует о том, что в одних случаях переводчик передавал то или иное имя в армянской форме, в других—прибегал к греческой форме.

Все сказанное выше позволяет нам полагать, что, основываясь на именах греческой транскрипции, нельзя еще говорить о том, что армянское сказание было переведено с греческого языка.

Приведем еще один дополнительный аргумент против доводов В. Н. Бенешевича. По мнению последнего, заключительные слова армянского Сказания: «умножил и нам благодать исцеления, хотя и в иной стране, но с ними чтим память их»—свидетельствуют в пользу существования гипотетического греческого оригинала «Сказания». Нам удалось найти разные варианты концовки в армянских рукописях, что показывает неустойчивость древнего текста. Бесспорно, однако, ни одно из этих заключений нельзя приписать византийцу, они принадлежат армянину, на что указывают хотя бы приводимые в них без каких-либо искажений армянские имена.

Необходимо отметить также следующее: в армянском тексте переводчик, говоря о построении новой церкви в Вышгороде, дату отмечает по армянскому летоисчислению и ему известно, что на родине святых отмечают праздник их несколько раз в году:

«Տաճար նորոգ շինեալ տասել պայծառացոցին ի թվին հալոց և և ի իա և մեծաւ հանդիսիւ կատարեն դռն ամենայն սուր բաղով անգամ ի տարոցն»—«...построили церковь более прекрасную в лето армянской эры 622 (=1173 году) и с большим торжеством отмечают праздник святых русские несколько раз в году».

В. Н. Бенешевич отмечал, что сходством с русской церковью, праздновавшей память Бориса и Глеба много раз в году, вызвано, быть может, и появление новых дней празднования памяти святых—5 мая и 8 июля (по армянской редакции), неизвестных русской церкви.

Наши изыскания дают возможность отметить, что в армянских рукописях Сказание о Борисе и Глебе встречается либо под 24 июля (в редакции Тер Израэля), либо под 8 июля (в редакции Церенца).

Как известно, память Бориса и Глеба праздновалась с необычайной торжественностью шесть раз в году. День же 24 июля—главный из этих празднеств—причислялся к великим годовым праздникам. И именно под 24 июля помещается «Патмутюн србоц Давти ев Романоси» в Айсмавурке Тер Израэля, где и первоначально появилось армянское Сказание о Борисе и Глебе. Следовательно, переводчику было известно не только о том, что память святых отмечали несколько раз в году, но и то, что главный из этих празднеств—праздник, отмечающийся 24 июля.

Признание русских святых Бориса и Глеба армянской церковью обусловлено идеей исследуемого Сказания, которая заключается в утверждении единства русской земли и осуждении междоусобиц, в пропаганде родового старшинства в системе княжеского наследования. Ситуация, нашедшая отражение в Сказании, была в значительной степени характерна и для армянской действительности: распри имели место и в Армении.

Появление армянского перевода «Сказания о Борисе и Глебе» отвечало насущным потребностям Армении, так как было созвучно идеям единства страны и предотвращения междоусобиц.

В приложении к диссертации даны древнеармянский текст Сказания и сделанный нами перевод на современный русский язык, текст древнерусского Сказания и таблица имен, составленная по армянским рукописям.

Основные положения диссертации опубликованы
в следующих работах:

1. Русское «Сказание о Борисе и Глебе» и армянские Четы-Миней. Издательство «Айастан», Ереван, 1969. (1,25 п. л.).

2. Из истории русско-армянских литературных отношений X—XIII веков. Аспирантский сборник Армянского государственного педагогического института им. Хачатура Абовяна. Ереван, 1969, стр. 287—296.

3. Из истории русско-армянских культурных отношений древнего периода. Сборник научных трудов Ереванского государственного педагогического института русского и иностранных языков им. В. Я. Брюсова, том. I, Ереван, 1969 (в печати)—0,5 п. л.